

ОТЗЫВ

официального оппонента Якушкиной Екатерины Ивановны о диссертации Мальковой Яны Владимировны «Русская диалектная лексика со значением неприятия, отторжения: семантико-мотивационная реконструкция», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Исследование русской (и шире – славянской) диалектной картины мира является одним из важнейших направлений в современной русской и славянской лексикологии и этнолингвистике. Это направление разрабатывается в России в рамках многих научных школ, научных центров и проектов. Наряду с Уральской школой ономастики, этимологии и этнолингвистики, в этом направлении работает Московская этнолингвистическая школа, коллектив Лексического атласа русских народных говоров, диалектологи Московского университета и многие другие ученые. Такой научный контекст делает рассматриваемую работу, несомненно, актуальной и соответствующей современной научной парадигме в языкознании. Особенно актуальным и значимым рецензируемое исследование делает его аксиологическая направленность, то есть реконструкция фрагмента русской народной системы ценностей. Описание народной аксиологии в последние годы стало одной из приоритетных задач славистики, поставленной Е. Бартминьским и в настоящее время активно решаемой в разных славянских странах.

Созданная на базе Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики, данная работа представляет собой комплексное исследование народного языка методом семантико-мотивационного и этимологического анализа и одновременно принадлежит диалектной лексикологии и узкой этнолингвистике. Выбор для анализа лексической группы неприятия и отторжения, как мне кажется, является весьма удачным. Семантико-мотивационный анализ этой группы лексики вскрывает пласт важнейших представлений русского народа о нормах этики и этикета, о правилах поведения и взаимоотношений между людьми. Предмет исследования можно было охарактеризовать как один из фрагментов народной психологии, связанный с проявлением отрицательных эмоций. В фокусе внимания автора оказываются

чувства отвращения, неприязни, вражды, порождающие их стимулы, характер их проявления и реакция на них социума.

В условиях, когда русская традиционная аксиологическая система стремительно разрушается, изучение нравственного опыта русского народа, отраженного в языке, представляется чрезвычайно важным и ценным как с научной точки зрения, так и с точки зрения общественной. Результаты подобных исследований могут быть использованы в образовании, которое в идеале должно транслировать новым поколениям русскую систему ценностей предыдущих эпох. Осознание факта многогранности русской культуры, несводимости ее к культуре носителей литературного языка, также представляется важной общественной задачей, вкладом в решение которой является рецензируемая работа.

Это по-настоящему фундаментальное исследование делает таковым прежде всего огромный объем обработанного и собранного материала. В диссертации сказано, что материалом для нее послужили десятки словарей, но в действительности их число, согласно списку литературы, достигает сотни. Обработанный материал был не только огромен, но и сложен для анализа. Учитывая семантическую специфику диалектного слова и рассматриваемой группы, перед автором, без сомнения, должен был постоянно вставать самый сложный вопрос о границах этой группы и критериях отнесения к ней той или иной лексики, а также об интерпретации синкретичных значений. В подавляющем большинстве случаев автор с решением этого вопроса справился очень успешно. К группе лексики со значением неприятия и вражды автором было отнесено 1500 лексем, которые следовало описать и классифицировать, что представляло собой трудную исследовательскую задачу. Характеризуя уровень диссертации, хотелось бы отметить и очень большой объем учтенной автором научной литературы в области семантического анализа и этимологии, что свидетельствует о высокой научной компетентности автора.

Фундаментальным является и сам предпринятый анализ. В диссертации описываются слова трех лексических множеств русского диалектного языка: «неприязнь», «отвращение» и «вражда». Этим группам соответствует три главы диссертации, в которую также входит введение, заключение и список литературы. Каждая глава построена по единому принципу. В начале главы рассматриваются слова, выражающие соответствующие значения в русском

литературном языке. Эти слова являются для автора опорными при отборе диалектных слов, формирующих то или иное лексическое множество. Далее дается классификация (систематизация) значений слов, образующих данное множество (субъект и объект эмоции, процессуальность), которая позволяет восстановить сценарий эмоции в народном сознании. Основное содержание каждой главы – это семантико-мотивационный анализ, который заключается в классификации входящих в лексическое множество слов по признаку внутренней формы или этимологии по следующим тематико-мотивационным группам: «Соматика и перцепция», «Эмоциональный, психический мир человека; поведение», «Социальная жизнь», «Общая оценка», «Физические положения и перемещения», «Материальный и духовный мир», «Общие свойства тел и веществ», «Животный мир», «Природные явления и объекты». За данной классификацией следует анализ заимствованной и этимологически темной лексики и выводы.

Семантико-мотивационный анализ позволяет выделить, как оцениваются в традиционной культуре ситуации неприязни, отвращения и вражды, каковы их участники, причины и сценарии, что осуждается народной культурой и что поощряется. Семантико-мотивационный анализ содержит множество интереснейших наблюдений и выводов, важных для сопоставительного изучения народной и литературной лексики, сопоставительного изучения разных славянских традиций, реконструкции народной картины мира. Выявление этих представлений и соответствующих норм является ценнейшим результатом работы, имеющим большую научную значимость. Ср. идею о том, что нельзя пренебрегать гостеприимством, излишне брезговать, «выламываться» из социума, соперничать в любви, что вражда – это нарушение родовых отношений, отрицание родства, отсутствие согласия и др. Насколько важны эти идеи для народного сознания разных славянских народов, свидетельствуют такие примеры, как сербское слово *људовати* «вести себя просто, все есть и пить, что предлагают, не капризничать», в котором простота поведения, желание идти на контакт с окружающими людьми, принятие их связывается с человеческой личностью как основной ее признак; утверждение согласия (серб. *слога*) как главной ценности сербского народа, а ссоры братьев как прототипического сценария разрушительного для общества поведения. Признавая значимость всех разделов диссертации, особенно хотелось бы

отметить важность ее третьей главы, посвященной вражде. В силу физиологичности понятия отвращения оно более близко к соответствующему понятию элитарной культуры, тогда как понятия вражды, как показывает автор, в двух типах русской культуры кардинально отличаются. Поле вражды в народном языке устроено совершенно иначе, чем в литературном. Оно редуцировано, не столь выражено, как в русском литературном языке, что, как справедливо замечает автор, связано с установкой традиционного общества на единство и согласие, причем основной формой вражды в крестьянском обществе является любовное соперничество. В той редуцированной форме, в которой понятие вражды все-таки выражается народным языком, оно связано со ссорой, раздором, разногласием, с отсутствием мира, но не с активными действиями, с войной, что отражает литературный язык. Такое различие в восприятии вражды в разных формах культуры свидетельствует о культурной обусловленности этого концепта, в отличие от неприязни и отвращения, которые, в целом, более универсальны и носят общечеловеческий характер.

Наряду с культурологической значимостью наблюдений и выводов автора, проведенный анализ, несомненно, имеет исключительную чисто лингвистическую ценность, которая определяется составлением каталога семантических переходов в области негативных эмоций, объединением этих переходов в семантические коды и предложении целого ряда этимологических решений.

Заключение к работе написано очень содержательно и глубоко, представляет собой «надстройку» над текстом диссертации, в которой не повторяются выводы к отдельным главам, а обобщаются на новом уровне. Среди намеченных автором перспектив исследования особенно хотелось бы поприветствовать такую задачу, как сопоставление диалектного материала с литературным, а содержащиеся в работе наблюдения автора над типологическими отличиями диалектной и литературной лексики (ср., например, замечание о том, что в диалектах больше названий человека, испытывающего отвращение, чем в литературном) отметим как особо ценные.

В целом оценивая диссертацию Яны Владимировны Мальковой очень высоко, все-таки выскажу некоторые пожелания и замечания.

Целесообразно было бы разделять лексемы, в которых мотивационный признак является более-менее прозрачным и в которых он восстанавливается на

уровне этимологии (ср., например, рассмотрение в одном ряду слова *оскоми́на* (*оскоми́на берет кого* «кому-то надоело, неприятно что-л.»), связанного с глаголом *щеми́ть*, и прозрачной метафоры *корежи́ть* «гнуть, мять» и «коробить»). Акцент на хронологической стратификации показал бы преобладание в семантической структуре лексико-семантической группы на разных этапах ее формирования, а возможно, выявил бы и различия (преобладание разных моделей на разных хронологических уровнях).

Классификация всегда сопряжена с обобщением и вынужденным упрощением реальной семантической картины. Но все-таки в некоторых случаях ее можно было бы сделать более точной. Например, в группе болевых ощущений, являющихся источником для семантики отвращения, объединяются в том числе слова с внутренней формой «тереть» и «мять» (с. 39), последняя мотивация представлена в глаголе *корежи́ть*. Но корежение — это, скорее, деформация тела, вызванная внутренним движением, которое рассматривается автором в другой группе (ср. *кривиться*, с. 43).

При анализе слов со значением вражды, вероятно, следовало бы различать вражду акциональную и неакциональную (злобу, ненависть), различные с семантико-мотивационной точки зрения. Неакциональная вражда, или злая эмоция, представлена в народной культуре, по-видимому, более широко, чем вражда как действие, и у нее больше источников номинации. Так, например, цветовой код (ср. *черный человек* «злой человек, враждебно настроенный») характерен именно для вражды-эмоции, тяготеющей к неприязни.

Соперничество как совершенно особый вид вражды в мотивационном анализе также следовало бы рассматривать отдельно. У соперничества, очевидно, другой языковой образ, чем у вражды-ссоры, что хорошо показывают специфические мотивации вроде «мешать», «перехватывать».

Вызывает сомнение правомерность привлечения некоторых номинаций к анализу. Так, в поле вражды автор рассматривает такие лексемы, как *паны* «мифические, враждебно относившиеся к людям великаны», *тяжка* «злые силы» — мифологическую лексику, среди которой можно найти много других номинаций злых сил, описание которых, как кажется, не входило в задачи работы.

Вызывают вопросы некоторые семантические интерпретации. Например, *шишимора* «о неприятном человеке», возможно, напрямую восходит к названию мифологического персонажа, а не к обозначению медлительного человека (с. 53). В слове *харма* развитие семантики брезгливости можно было бы, возможно, скорее, связать с исходным значением «цветущая поверхность воды», чем «плохая погода» (с. 88). Не вполне понятно, почему слово *неприятство* «нерасположение» отнесено к группе далекого пространства (с. 139).

К сожалению, только в редких случаях диссертант приводит иллюстрации к диалектным словам. Контексты помогли бы более точно и объемно представить семантику диалектного слова, которую с помощью литературных слов не всегда можно адекватно эксплицировать (например, контексты помогли бы точнее ответить на вопрос, синкретично или дифференцировано в народном языке понятие отвращения и брезгливости, враждебности и злобности).

Кажутся неточными некоторые формулировки. Ср. следующую: «функцию органа пищеварения может принимать и душа» (с. 31 о выражении *на сердце тошнит*). Душа не может выполнять функцию органа пищеварения, но она принимает участие во всех проявлениях тела, откликается на них, однако не выполняя функцию частей тела, о чем сам автор и пишет далее (с. 32).

Хотя характеризуя исследования, на которые опирается автор, упоминается Т. И. Вендина, ее работ в списке литературы не обнаруживается. Не могу не заметить, что фундаментальная монография Т. И. Вендиной «Антропология диалектного слова» по предмету и методу настолько близка к рецензируемой диссертации, что упоминание этого труда в диссертации, с моей точки зрения, было бы весьма уместным.

С точки зрения культуры исследования и с точки зрения формы работа написана почти безупречно, глубоко продуманно, хорошим стилем, содержит минимальное количество опечаток.

Все высказанные пожелания и замечания не носят критического характера и не умаляют научной значимости работы и высокой оценки проведенного диссертантом исследования. Автореферат и публикации отражают содержание работы.

Диссертация соответствует специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России и требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ. Соискатель Малькова Яна Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Официальный оппонент:

Якушкина Екатерина Ивановна,

доктор филологических наук,

доцент кафедры славянской филологии

филологического факультета

Федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего образования

«Московский государственный университет

имени М.В.Ломоносова»

Телефон: +7 (495) 939-10-00

E-mail: info@rector.msu.ru

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1,

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

01.02.2023

Подпись заверяю

